

Жолудева Л. И. Речевая характеристика слуги в итальянских комедиях XVI века: к вопросу о параметрах языковой вариативности / Л. И. Жолудева // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 37—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-37-49.

Zholudeva, L. I. (2018). Speech Characteristics of Servants in Italian Comedies of 16th Century: on Parameters of Language Variability. *Nauchnyy dialog*, 11: 37-49. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-37-49. (In Russ.).

УДК 811.131.1-112

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-37-49

Речевая характеристика слуги в итальянских комедиях XVI века: к вопросу о параметрах языковой вариативности

© **Жолудева Любовь Ивановна (2018)**, orcid.org/0000-0002-1797-785X, SPIN-code 6002-0036, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), l.zholudeva@gmail.com.

Рассматриваются языковые средства, используемые для речевой характеристики слуг в итальянских комедиях XVI века. Поднимается вопрос о характере стилистической маркированности речи представителей низшего сословия, в частности, о том, какой из параметров языковой вариативности — диафазия или диастратия — в большей степени задействован комедиографами при создании их речевого портрета. Новизна исследования связана прежде всего с тем, что стилистические особенности речи персонажей итальянских комедий ранее не рассматривались с позиций теории языковой вариативности, лингвистической прагматики и исторической социолингвистики. В статье предлагается классификация регионально и функционально-стилистически маркированных языковых явлений, характерных для речи слуг в комедиях. Сделан вывод о том, что основной вклад в создание речевого портрета слуг вносят явления, маркированные в диафазии, — языковые средства, прагматическая функция которых преобладает над денотативной и / или структурной. Исследование продолжает цикл работ автора, посвященных итальянскому языку XVI века и роли различных параметров языковой вариативности в исторической эволюции итальянской языковой нормы.

Ключевые слова: история итальянского языка; комедии XVI века; языковая норма; языковая вариативность; диафазия; диастратия

1. Введение

В XVI веке начинается новый этап истории итальянского языка, связанный с его использованием в качестве общего для всей Италии, кодифицированного и полифункционального средства коммуникации. Именно с этого времени можно говорить об итальянском литературном языке в полном смысле этого слова, а не только об обработанной форме одного из диалектов Италии (флорентийского). На этой стадии своей исторической эволюции итальянский язык, уже приобретший современный облик в том, что касается фонетики и морфологии, претерпевает изменения, обусловленные его функционально-стилистической дифференциацией и затрагивающие преимущественно синтаксис и лексику. Одним из проявлений этого становится отмежевание кодифицированного литературного языка от живого диалекта Флоренции. Впрочем, преграда между ними не была абсолютно непроницаемой: без обращения к живому узусу было бы невозможно, например, придать репликам персонажей комедии подлинно разговорный колорит, о чем писал еще Н. Макиавелли [Machiavelli, 1976, с. 22—23].

2. XVI век в истории итальянского языка: параметры языковой вариативности

Сложность языковой ситуации, сложившейся в Италии в XVI веке (отголоски чего мы наблюдаем и в наши дни [Towards a New Standard ..., 2017]), была во многом связана с взаимодействием различных параметров языковой вариативности. С одной стороны, в XVI веке, как и на современном этапе, имела место вариативность литературного языка в диатопии: усвоение итальянцами из разных регионов языковой нормы сопровождалось своего рода субстратным влиянием, которое родные диалекты оказывали на их узус; так возникают *italiani regionali* — региональные варианты реализации нормы [Seguti, 2009]. Степень региональной маркированности оказывалась тем ярче выраженной, чем менее формальным был дискурс: так, в текстах нейтрального и сниженного стиля, где имитируется коммуникация между персонажами (комедии, трактаты в форме диалога), доля региональных особенностей в среднем выше, чем в текстах формального и возвышенного стиля. Таким образом, можно говорить о взаимосвязи между маркированностью текста в диатопии и диафазии. Между вариативностью языка итальянского языка в диатопии и диастратии также намечается связь, хотя применительно к XVI веку о социальной стратификации литературного языка приходится говорить с осторожностью. Вплоть до XX века владение им было свойственно лишь образованным людям, тогда как полубразованные и неграмотные жители итальянских регионов

во всех ситуациях общения пользовались своими родными диалектами; в случае серьезной необходимости они могли придавать своей диалектной речи некоторые элементы сходства с литературным языком, порождая тексты смешанного характера [De Blasi, 2014].

В этом социолингвистическом контексте Тоскана всегда стояла особняком, поскольку между живым диалектным узусом жителей этого региона (а также, хотя и в меньшей степени, жителей Рима) и литературным итальянским языком не было существенных структурных различий. Грань между разговорной речью и просторечием в этом случае оказывается довольно размытой. Некоторое представление об узусе жителей Тосканы XVI века, принадлежавших к низшим социальным слоям, можно составить, изучая тексты практического характера (протоколы допросов, инвентарные списки и т. п.) или, в ряде случаев, прозаические тексты, не относящиеся к художественной литературе. Это могут быть тексты, авторы которых, будучи грамотными, тем не менее, не обладали той степенью языковой компетенции, которая позволила бы им излагать мысли на литературном языке, дистанцируясь от особенностей своего языкового окружения. Примером такого произведения может служить автобиография Бенвенуто Челлини, где обнаруживается целый ряд черт, свойственных староитальянскому языку, но к XVI веку постепенно ушедших на социальную периферию, прежде чем стать и вовсе аграмматичными (см., например, некоторые особенности узуса Челлини, связанные с функционированием непереходных глаголов в оборотах [Жолудева, 2015]). Можно было бы также ожидать, что социально маркированные черты будут свойственны персонажам комедий, чей низкий социальный статус имеет сюжетобразующее значение (слуги, паразиты и т. п. [История ..., 2010, с. 442]). В данной статье будет предпринята попытка анализа языковых особенностей, используемых для речевой характеристики подобных персонажей в итальянских комедиях XVI века, с целью определить, какие стилистически маркированные особенности используются комедиографами для противопоставления персонажей разного социального происхождения.

3. Речевая характеристика слуг: стилистически маркированные региональные особенности

В качестве материала для данного исследования были выбраны девять комедий итальянских авторов XVI века — уроженцев разных городов и регионов Италии. Эти произведения объединяет, во-первых, их принадлежность к жанру «ученой комедии», а во-вторых — то, что одним из средств создания комического эффекта в них является речевая характеристика пер-

сонажей. Наряду с использованием иностранных языков (испанского, немецкого, греческого, латинского) и итальянских диалектов, изображенных с немалой долей условности и карнавальной пародийности и составляющих важный элемент соответствующих амплуа, здесь в качестве художественного средства задействована языковая вариативность, характерная для итальянского языка той эпохи. В этом отношении особый интерес представляет речь слуг и параситов. Эти персонажи, помимо своей сюжетной функции, привносили в комедию элемент злободневности и сатиры, а также помогали сделать язык произведения еще контрастнее за счет нарушения разного рода запретов (на обценную лексику и инвективы, на темы, связанные с материально-телесным низом, и т. п.)

Регионально и стилистически (как говорилось выше, эти параметры взаимосвязаны) маркированные особенности, характерные для речи слуг, обнаруженные нами в результате проведенного анализа, можно разделить на две группы. К первой относятся те черты, которые, будучи характерными для живого узуса жителей того или иного региона в XVI веке, в процессе кодификации языка не приобрели статус нормативных (прежде всего из-за того, что итальянская языковая норма создавалась с опорой на язык классиков итальянской литературы XIV века). Это, впрочем, не означало моментальной редукции вариативности в узусе: регионально маркированные явления (фонетические, морфологические, лексические) зачастую использовались, чтобы снизить стилистический «градус» текста, приблизить его к живой разговорной стихии [Giovanardi, Trifone, 2015, с. 50]. Ко второй группе относятся языковые особенности, стилистическая маркированность которых связана с прагматическими параметрами: это лексические и синтаксические средства эмфазы, оценочные средства и т. п.

Отличия речи персонажей-слуг от кодифицированной нормы можно обнаружить на разных уровнях языка. Так, в комедиях авторов не флорентийского происхождения встречаются регионально маркированные фонетические особенности. Это, например:

— отсутствие типичного для Флоренции перехода предударного –*ar*– в –*er*–: *bisognarà, prendarebbe*;

— отсутствие результатов еще одного флорентийского процесса — анафонии: *lungo* вместо *lungo*, *consiglio* вместо *constiglio*;

— отсутствие закрытия предударных гласных: *romore*;

— отсутствие геминации или, напротив, ее наличие в словах, где во флорентийском диалекте удвоения не происходит: *sapiate, comedia, robba*;

— отсутствие тосканской дифтонгизации: *bono, loco* и т. п.

На лексическом уровне также можно отметить использование регионализмов — прежде всего тосканского происхождения (*uscio, desinare, fiasco, pigionale* и т. п.); часто это обозначения реалий сельского и городского быта и местных обычаев.

Вариативность в морфологии, нарушающая предписания грамматистов, связана прежде всего с воспроизведением особенностей диалектной речи Тосканы, которая, будучи понятной и в этом регионе, и за его пределами (за счет знания аудиторией литературного языка, сложившегося на флорентийской основе), одновременно с этим сохраняла непосредственность и стилистическую гибкость, несвойственную кодифицированному литературному итальянскому языку на ранней стадии его существования. В качестве примеров морфологических тосканизмов (встречающихся, отметим, не только в текстах тосканских комедиографов, но и в комедиях, написанных авторами из других регионов) можно отметить, в частности:

— использование форм второго лица единственного числа глагола при субъекте множественного числа (при обращении на *voi*): *Sguazza: Messer Giannino, se da l'un canto voi minacciassi lui e da l'altro sollecitasse lei, sarebbe agevol cosa di conoscer la magagna dove la sta (Amor, I, 7);*

— упрощение группы *-vr-* в формах будущего времени и кондиционала глагола *avere*: *Pirro: Presto ci avvedremo chi arà più cervello, o tu o io. (Cl., I, 5);*

— сохранение старых перфектных окончаний третьего лица множественного числа *-orono / -orno*: *Balia: ...s'innamororno così fattamente (Ang., I, 1);*

— вариативность форм первого лица множественного числа (в т. ч. в имперфекте конъюнктива): *Stragualcia: Aviamo a contare i mattoni? <...> Vorrei che noi andassemo più presto in qualche luogo che facessemo colazione, io. (Ing., III, 1);*

— использование указательного местоимения *codesto / cotesto*: *Panza-na: Almanco cotesto messer Giannino è giovene e potrebbe mutarsi. (Amor, I, 8);*

— употребление, наряду с *il, i*, западнотосканских форм определенного артикла мужского рода *el, e*: *Sguazza: Oh cagnaccio! Tu ti debbi dare el buon tempo! (Amor, I, 8).*

В текстах комедий также, хотя и реже, встречаются другие — не тосканские — региональные особенности, например, характерный для многих диалектов Юга и Севера Италии кондиционал на *-ia* или постпозитивные формы субъектных местоимений (*Rufino. Non è articolo di fede; ma ve ricordo eh 'a tal otta lo potrestivo credere, che vi rinresceria. (Ped., I,*

1)). В этой же связи следует упомянуть имитацию местных особенностей фонетики и просодии в комедиях авторов римского происхождения, см., в частности, отображение усиления заударного согласного и выраженного фonosинтаксического удвоения: *Fessenio: Non stuzzicar, quando fumma el naso de l'orso. (Cal., I, 2); Malfatto: Volete ch'io ve llo meni io, mastro? (Ped., III, 2).*

Несмотря на то, что все перечисленные (и многие другие) регионально маркированные особенности встречаются в речи слуг, они (за исключением разве что имитации фонетических и просодических особенностей) также представлены в речи других персонажей. Типичными для речевой характеристики слуг скорее будут особенности, отнесенные нами ко второй группе.

4. Речевая характеристика слуг: прагматически маркированные языковые особенности

Образ слуги, как и комический образ обжоры-паразита, в итальянских комедиях Возрождения наследует черты соответствующих амплуа, сложившихся еще в античной комедии. Речь этих персонажей, как и их поведение, должны составлять комический контраст речи и поведению персонажей, принадлежащих к высшему сословию. Речевая характеристика персонажей из социальных низов в комедиях XVI века создается с помощью набора стилистических средств, которые сами по себе не являются маркированными в диастратии: речь не идет об использовании арготизмов, устаревших морфологических элементов, не воспринятых кодифицированной нормой, специфических синтаксических конструкций или других языковых явлений, типичных для реально существовавших социолектов Тосканы XVI века (о них, как уже говорилось, можно составить представление, читая тексты, созданные малограмотными жителями Тосканы).

Основными средствами речевой характеристики слуг становятся языковые явления, стилистическая окраска которых обусловлена их прагматической функцией. Эти явления, характерные и для современного разговорного итальянского языка, до последних десятилетий не привлекали внимания лингвистов, чьим основным предметом внимания был кодифицированный литературный итальянский язык — *italiano standard*. Однако затем, в результате развития функционального направления в лингвистике, возникла необходимость в более целостном и разностороннем описании того итальянского языка, которым жители Италии пользуются в неформальных ситуациях, с чем было связано появление понятий

italiano neo-standard, italiano dell'uso medio и т. п. [Sabatini, 1985], [Beruto, 2014]. В отличие от особенностей, типичных для узуса малограмотных жителей Тосканы XVI века, черты, являющиеся принадлежностью italiano neo-standard, с течением времени не вышли из употребления [D'Achille, 1990] и, по-видимому, не подвергались социальной стигматизации (они встречаются, в том числе, в текстах авторов, безусловно, владевших кодифицированной нормой). Это своего рода жанровые маркеры, отсутствующие в произведениях высокого стиля и в текстах формального характера, но при этом используемые там, где есть необходимость в более яркой эмоциональной окраске высказывания. Еще одним характерным признаком этой группы явлений является то, что они не столь тесно связаны с тем или иным регионом; более того, похожие синтаксические конструкции и словообразовательные модели можно обнаружить и в других романских языках, где они обладают сходной стилистической окраской.

Приведем наиболее типичные примеры.

1) Одним из проявлений эмоциональности речи слуг является использование разнообразных инвектив, от табуированной лексики до частично десемантизированных оборотов (проклятия и т. п.), основной функцией которых часто является не столько оскорбление адресата высказывания, сколько выражение общей эмоциональной оценки ситуации:

Mastica: Che farà questo cacafferro e mangiaacciaio? (Ang., III, 9);

Siro: Se gli altri dottori fussino fatti come costui, noi faremmo a sassi pe' forni: che sí, che questo tristo di Ligurio e questo impazzato di questo mio patrone lo conducono in qualche loco, che gli faranno vergogna! (Mandr., I, 4);

Pirro: Doh! villan poltrone, profumato nel litame! (Cl., I, 5);

Pirro: Tu se' così razzimato! Tu mi pari un cesso ripulito! (Cl., I, 5);

Panzana: Ah! ah! ah! Cancar ti venga! Ah! ah! ah! Una donna cotta! (Amor, I, 8);

Malfatto: Per santo Niente-benedetto, per la croce de Dio, che voglio andar adesso adesso, mò mò, a trovar l'oste che fa la taverna e darli questi quatrini e fare che me dia un quinto de vino (Ped., II, 3);

Quel cancaroso di Guglielmo non vuol far niente de questa cosa. (Amor, I, 7);

Malfatto: Fit! mahu! cagna! Non me cci coglierete, no. (Ped., II, 1);

Crivello: Che diavol vói colei? (Ing., II, 6).

2) Похожую функцию выполняют слова с суффиксами эмоциональной оценки, прагматический компонент значения которых оказывается важнее денотативного:

Siro: chi non riderebbe di questo uccellaccio? (Mandr., I, 4);

Egli è el piú bello garzonaccio, che voi vedessi mai! (Mandr., IV, 9);

Sguazza: Oh cagnaccio! Tu ti debbi dare el buon tempo! (Amor; I, 8);

Sguazza: Oh poverelli! di quanto ben son privi! (Amor; I, 8);

Panzana: ...sempre sta in su l'amorosa vita; tutto 'l giorno cantèpola e componicchia qualche ballata o sonettaccio o simil'altre papolate. Qualche volta mi chiama e mi mostra alcuna letteruza d'amore: le piú fastidiose cose del mondo (Amor; I, 8);

Sguazza: Sai, Panzana, se pur... pur... pur... pure io fusse sforzato ad avere una donna, <...> la vorrei grassarella, giovanetta giovanetta (Amor; I, 8);

Rufino. Anzi, lui si pensa che, per aver quattro letteruzze affamate, che tutte le donne di questa città siano obligate a volergli bene. (Ped., I, 1);

Scatizza. Accostati, salvaticaccio! (Ing., II, 6);

Spela: Comincia 'gli a dire, acciò che egli mei credesse, di questo suo amozzo: e fu per crepar di ridere con certi gioveni che eran li (Ing., II, 5).

3) Конструкции с личным местоимением в дательном падеже, обладающие прагматическим значением, связанным с личной эмоциональной вовлеченностью говорящего, его заинтересованностью (в широком смысле) действием, характерны и для современного итальянского [Masini, 2012]. В текстах комедий XVI века они особенно часто встречаются в речи слуг:

Sguazza: A me basta ch'io me li mangiarò. E così vo' dir delle altre cose. (Amor; I, 8);

Sguazza: Oh! Quanto io mi rido di questi occhi innamorati (Amor; I, 8);

Pirro: Io me ne voglio ire in casa. (Cl., I, 5);

Malfatto: Vedi che pur me ssi è ricordato lo nome. (Ped., IV, 6);

Malfatto. Aspettate, che me cci voglio un po' pensare. (Ped., IV, 2).

4) Стилистическим потенциалом, связанным с неформальностью дискурса и эмоциональной вовлеченностью говорящего, также обладает феномен, получивший название "che polivalente". Речь идет о многофункциональном союзе или текстовом коннекторе *che*, у которого прагматическая роль (указание на связь между двумя пропозициями) заметно преобладает над структурной, а семантика предельно широка [Гуревич и др., 2015]. *Che polivalente* в репликах слуг характеризуется повышенной частотностью:

Pirro: Io me ne voglio ire in casa, ch'io t'arei a rompere la testa. (Cl., I, 5);

Sguazza: Avete denari a canto, che provederò qualche cosa? (Amor; I, 7);

Malfatto: Io, per me, non so dove se gli caverà costui questi denari: che non ha un quatrino né meno è per averne per qualche giorno; ch'il banco non ha avuto ancora avviso da casa. (Ped., II, 4).

5) Еще одна группа синтаксических явлений, неформальная стилистическая маркированность которых определяется выраженной прагматикой (дополнительная эмфаза), — это изменения нейтрального порядка слов (выносы дополнений, местоименная реприза, конструкция “frase scissa” и т. п.):

Sguazza: Eh! Non mi vedete mai ridere a digiuno, me. (Amor, I, 6);

Sguazza: Che diavolo mi fa, a me, questo? (Amor, I, 8);

Stragualcia: Mi parete un manigoldo, a me. Padrone, entriam drete (Ing., III, 2);

Timaro. È pure stato il maestro che m'ha fatto indugiare questo poco (Tir., I, 3);

Malfatto: Adesso si che voglio achiamar quello che lui me disse che sta qua dentro. Tic, tac. (Ped., IV, 6).

6) В репликах слуг встречаются разного рода разговорные клише, а также устойчивые выражения, поговорки и пословицы, призванные сделать речь персонажей эмоциональнее, живее и образнее:

Fessenio: Più su sta mona luna! (Cal., I, 2);

Fessenio: Non minacciare: che, benché io sia vil servo, anco la mosca ha la sua collora; e non è si picciol pelo che non abbi l'ombra sua, intendi? (Cal., I, 2);

Pirro: Lasciamo andare! Ognuno aguzzi e sua ferruzzi: vedreno a chi e' dirà meglio. Io me ne voglio ire in casa, ch'io t'arei a rompere la testa. (Cl., I, 5);

Sguazza: Se non ci è altro che questo, la vacca è nostra; ché, se ben costei era di quest'animo in quel tempo, altri pensieri debbe aver oggi (Amor, I, 6).

5. Выводы

Проведенный анализ показал, что речь слуг в итальянских комедиях XVI века, несомненно, обладает яркими стилистически маркированными чертами, однако их маркированность связана почти исключительно с прагматикой реплик, а не с социальной принадлежностью персонажей. Большая часть приведенных примеров использования суффиксов эмоциональной оценки, словообразовательных моделей, инвективных лексических средств и разговорных синтаксических конструкций вполне соответствует современным нормам употребления — при условии коммуникативной уместности. Что касается регионально маркированных особенностей, многие (но не все) из них с течением времени вышли из употребления, однако и на современном этапе для неформальной речи итальянцев характерно наличие регионально маркированных особенно-

стей, так что даже *italiano neo-standard* исследователи характеризуют как “*italiano regionale colto medio*” — регионально маркированный итальянский язык среднего стиля в устах образованных людей [Berruto, 2014, с. 26].

В репликах слуг мы не обнаружили явлений, которые были бы типичны для узуса неграмотных и полуграмотных итальянцев XVI века (и более поздних эпох): слуги не изъясняются на смеси литературного языка и диалекта (в комедии А. Кальмо «Девушка с Родоса» герой-любовник, притворяясь слугой, переходит на диалект, но это скорее исключение из общего правила), а если говорить о диалектах Тосканы, то в репликах слуг, как и в речи других персонажей, отсутствуют те тосканские явления, которые на тот момент воспринимались как откровенно просторечные (например, переход *-gl-* (палатального *l*) в *ggi-* или ненормативные варианты построения причастных оборотов). Регионально маркированные особенности, таким образом, используются комедиографами дозированно и, придавая репликам разговорный колорит, вместе с тем не затрудняют восприятие текста.

Как и в случае с имитацией разговорной речи, имитация социальной маркированности реплик слуг в текстах комедий оказывается довольно условной. Так, разговорная окраска создается за счет использования комплекса языковых средств, ассоциирующихся с неформальным устным дискурсом (этот феномен получил название *parlato recitato* — разговорная речь в сценическом исполнении), а не за счет стенографически точного воспроизведения реальных особенностей спонтанной речи (несогласованность, оборванные фразы, топиализация, эллипсис, повторы и т. п.). Точно так же социальные различия между персонажами условно изображаются за счет широкого использования стилистически сниженных и типичных для неформальной коммуникации языковых средств, а не путем обращения к подлинным образцам узуса представителей низшего сословия.

Принятые сокращения

- Ang. — F. De Fornaris “Angelica”
- Cl. — N. Machiavelli “Clizia”
- Mandr. — N. Machiavelli “Mandragola”
- Amor — A. Piccolomini “L’Amor costante”
- Cal. — B. Dovizi da Bibbiena “La Calandria”
- Ped. — F. Belo “Il Pedante”
- Tir. — A. Ricchi “I tre tiranni”
- Ing. — Accademici Intronati “Gl’ingannati”

Литература

1. *Гуревич Д. Л.* Полифункциональность союза *que / che* в португальском и итальянском языках / Д. Л. Гуревич, Л. И. Жолудева // Древняя и Новая Романия. — 2015. — № 15. — С. 625—634.
2. *Жолудева Л. И.* Структурные особенности абсолютных причастных и герундиальных оборотов в итальянской прозе XVI века / Л. И. Жолудева // Древняя и Новая Романия. — 2015. — № 16. — С. 89—98.
3. *История литературы Италии* / М. Л. Андреев, Л. В. Евдокимова и др. — Москва : ИМЛИ РАН, 2010. — Том. 2. — 720 с.
4. *Berruto G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo / G. Berruto. — Roma : Carocci, 2014. — 278 p.
5. *Calmo A.* Rodiana: comedia stupenda e ridicolosissima piena d'argutissimi moti e in varie lingue recitata / A. Calmo. — Padova : Antenore, 1985. — 267 p.
6. *Cerruti M.* Strutture dell'italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica / M. Cerruti. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. — 308 p.
7. *Commedie del Cinquecento.* A cura di N. Borsellino / G. Bargagli, A. Piccolomini et al. — Milano : Feltrinelli, 1962. — Vol. 1. — 588 p.
8. *Commedie del Cinquecento.* A cura di I. Sanesi / F. Belo, A. Ricci et al. — Bari : Laterza, 1912. — Vol. 2. — 411 p.
9. *D'Achille P.* Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana / P. D'Achille. — Roma : Aracne, 1990. — 388 p.
10. *De Blasi N.* Geografia e storia dell'italiano regionale / N. De Blasi. — Bologna : Mulino, 2014. — 247 p.
11. *De Fornaris F.* L'Angelica / F. De Fornaris. — Venetia : Francesco Bariletti, 1607. — 144 p.
12. *Giovanardi C.* La lingua del teatro / C. Giovanardi, P. Trifone. — Bologna : Mulino, 2015. — 274 p.
13. *Machiavelli N.* Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua / N. Machiavelli. — Torino : Einaudi, 1976. — 132 p.
14. *Machiavelli N.* La Mandragola e Clizia / N. Machiavelli. — Milano : Rizzoli, 1959. — 146 p.
15. *Masini F.* Costruzioni verbo-pronominali 'intensive' in italiano / F. Masini // Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25—27 settembre 2008 / V. Bambini, I. Ricci, P. M. Bertinetto (eds.). — Roma : Bulzoni, 2012. — С. 2.
16. *Sabatini F.* L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane / F. Sabatini // *Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart* / G. Holtus, E. Radtke (eds.). — Tübingen : Narr, 1985. — P. 154—184.
17. *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian* / M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo (eds.). — Berlin, Boston : De Gruyter, 2017. — 378 p.

Speech Characteristics of Servants in Italian Comedies of 16th Century: on Parameters of Language Variability

© **Zholudeva Lyubov Ivanovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-1797-785X, SPIN-code 6002-0036, PhD in Philology, senior lecturer, Department of Roman Linguistics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), l.zholudeva@gmail.com.

The linguistic tools used for the speech characteristics of the servants in Italian comedies of the 16th century are examined. The question is raised about the nature of stylistic marking of speech of the representatives of the lower class, in particular, about which of the parameters of language variability — diaphasia or diastratia — are more often involved by comedians when creating their speech portrait. The novelty of the study is primarily due to the fact that the stylistic features of the speech of the characters of Italian comedies have not previously been considered from the standpoint of the theory of linguistic variability, linguistic pragmatics and historical sociolinguistics. The article proposes a classification of regionally and functionally-stylistically marked linguistic phenomena typical to the servants' speech in comedies. It is concluded that the main contribution to the creation of the speech portrait of servants is made by the phenomena marked in the diaphasia — linguistic means, the pragmatic function of which prevails over denotative and / or structural. The research continues the cycle of the author's works devoted to the Italian language of the 16th century and the role of various parameters of language variability in the historical evolution of the Italian language norm.

Key words: history of the Italian language; Comedy of the 16th century; language norm; language variability; diaphasia; diastratia.

References

- Andreyev, M. L., Evdokimova, L. V. et al. (2010). *Istoriya literatury Italii. 2*. Moskva: IMLI RAN. (In Russ.).
- Bargagli, G., Piccolomini, A. et al. (1962). *Commedie del Cinquecento. A cura di N. Borsellino. 1*. Milano: Feltrinelli. (In Ital.).
- Belo, F., Ricci, A. et al. (1912). *Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi*. Bari: Laterza. (In Ital.).
- Berruto, G. (2014). *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*. Roma: Carocci. (In Ital.).
- Calmo, A. (1985). *Rodiana: comedia stupenda e ridicolossissima piena d'argutissimi moti e in varie lingue recitata*. Padova: Antenore. (In Ital.).
- Cerruti, M. (2009). *Strutture dell'italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (In Ital.).
- Cerruti, M., Crocco, C., Marzo, S. (eds.). (2017). *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- D'Achille, P. (1990). *Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana*. Roma: Aracne. (In Ital.).
- De Blasi, N. (2014). *Geografia e storia dell'italiano regionale*. Bologna: Mulino. (In Ital.).

- De Fornaris, F. (1607). *L'Angelica*. Venetia: Francesco Bariletti. (In Ital.).
- Giovanardi, C., Trifone, P. (2015). *La lingua del teatro*. Bologna: Mulino. (In Ital.).
- Gurevich, D. L., Zholudeva, L. I. (2015). Polifunksionalnost' soyuza que / che v portugal'skom i italyanskom yazykakh. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 15: 625—634. (In Russ.).
- Machiavelli, N. (1959). *La Mandragola e Clizia*. Milano: Rizzoli. (In Ital.).
- Machiavelli, N. (1976). *Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua*. Torino: Einaudi. (In Ital.).
- Masini, F. (2012). Costruzioni verbo-pronominali 'intensive' in italiano. In: Bambini, V., Ricci, I., Bertinetto, P. M. (eds.). *Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25—27 settembre 2008*. Roma: Bulzoni. 2. (In Ital.).
- Sabatini, F. (1985). L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane. In: Holtus, G., Radtke, E. (eds.). *Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart*. Tübingen: Narr. 154—184. (In Ital.).
- Zholudeva, L. I. (2015). Strukturnyye osobennosti absolyutnykh prichastnykh i gerundialnykh oborotov v italyanskoy proze XVI veka. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 16: 89—98. (In Russ.).